

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ «ЭТНОГЕОГРАФИИ ТУРАНА»: ПОЛЕМИКА АРХЕОЛОГА С ФИЛОЛОГАМИ?

(По поводу книги Б.И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э.». М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999)

Названная книга известной исследовательницы Средней Азии Б.И. Вайнберг обобщает результаты археологических и этнографических работ автора, проводившихся в течение многих десятилетий¹. Ценность книги несомненна. Изложенный в ней материал обеспечивает надежную археологическую базу для дальнейших исследований в области древней истории Средней Азии. Без археологических открытий автора многие страницы в наших познаниях о далеком прошлом Средней Азии до сих пор оставались бы пустыми.

Я не ставлю здесь цель дать полную, всеобъемлющую характеристику и оценку книги Б.И. Вайнберг. Моя задача ограничивается лишь одним аспектом в рассмотрении проблем, поднимаемых автором, хотя сам по себе этот аспект имеет принципиальное, выходящее за рамки обсуждаемой книги значение. Стимул для обсуждения дает сам автор, когда одну из наиболее полемичных глав своей книги завершает такими, очень показательными в данном отношении, словами: «В связи со всем изложенным выше хотелось бы заметить, что, как правило, мы, археологи, доверяем источниковедческим исследованиям специалистов филологов и историков и опираемся на них в исторической интерпретации археологического материала. Хотелось бы подобного отношения и с их стороны к нашим изысканиям, так как опыт показывает (и это ярко демонстрируют приведенные выше примеры), что только детальное знание всего комплекса археологических материалов как на данной конкретной территории, так и в более широком ареале и хронологическом диапазоне может оградить исследователя от ложных, а не просто спорных сопоставлений и исторических интерпретаций...» (с. 231).

Думаю, не ошибусь, если замечу, что между строк здесь явно читается обостренное чувство собственности археолога на добытый им материал; мысль, заключающуюся в приведенной цитате, можно было бы более коротко выразить так: «Материал – мой, и верно прежде всего то, что я говорю о нем». Эта мысль, в той или иной форме выраженная, нередко встречается в археологической литературе, и в эмоциональном плане ее вполне можно понять. Но попробуем разобраться в вопросе с позиций логики.

Историк в своей исследовательской работе проходит два этапа, которые следует осознанно и очень четко отличать один от другого². Первый этап – источниковедческий; здесь исследователь работает над словесными или вещественными источниками. Если говорить об интересующей нас исторической эпохе, то в ее изучении исследователь будет выступать и как филолог, и как археолог. На первом этапе претензии археолога на исключительное понимание открытых им памятников понятны. Но этот этап длится лишь до тех пор, пока объектом исследования является сам по себе памятник. На втором этапе, когда исследователь – археолог ли, филолог ли – выступает уже как собственно историк, положение меняется. На этом втором этапе, начинающемся с реконструкции исторического факта³, который и становится в дальнейшем объектом исследования, историк относится к результатам археологического и

¹ См. также предшествующий опыт автора в обобщении результатов своих работ: *Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я.* История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1994.

² Так, строго ограничить себя первым, источниковедческим, этапом работы я старался в книге: *Льянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997.

³ Под историческим фактом я имею в виду любой реальный и объективный феномен истории, «все то, что было в прошлом человечества», а под его реконструкцией – наше знание о нем, получаемое с помощью разного рода свидетельств (источников) и используемое затем в логических операциях исторического синтеза (*Кареев Н.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 79–90, 129–140). Впрочем, под научным историческим фактом часто подразумевают и само знание (см., например: *Логика научного исследования.* М., 1965. С. 47, 50; *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С. 21, 22; *Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 192, 216).

филологического исследования в известном смысле отстраненно, используя их как одинаково ценный для реконструкции материал (и здесь действительно необходимо взаимное доверие археолога и филолога к результатам источниковедческой работы друг друга). Историк берет на себя ответственность за полноту использования всего источникового материала, так что «детальное знание» одного только археологического материала никак не гарантирует истинности предлагаемой им реконструкции.

Итак, что же вызывает активное неприятие у автора обсуждаемой книги, что она считает «ложными, а не просто спорными сопоставлениями и историческими интерпретациями»? Судя по тому, что непосредственно перед приведенной выше цитатой речь в книге идет о дахах и соотношении их с дохоровской культурой (с. 228–231), именно эта тема прежде всего и породила, с точки зрения автора, прискорбные заблуждения историков.

Напомним вкратце историю дахов, реконструированную по крупицам из свидетельств письменных источников трудами нескольких поколений историков, в том числе и моими. Родиной дахов была страна «выше Меотиды» (Аральского моря в данном случае), т.е. где-то в глубине неведомого древним авторам материка. Ко времени походов Александра Македонского (вторая половина IV в. до н.э.) дахи обитали на «европейской» стороне Танаиса (Сырдарья в данном случае), т.е. на правом берегу Сырдарьи – скорее всего в среднем ее течении, поскольку лишь оно находилось в те времена в поле зрения античных авторов. Но уже тогда дахи принимали активное участие в событиях, происходивших по другую сторону Танаиса, в связи с чем Александр, видимо, и пытался запретить им переход через реку. Но уже при ближайших преемниках Александра, в начале III в. до н.э., орды дахов переходят Сырдарью в ее среднем течении и разрушают греческие колонии Согдианы, Маргианы и Ареи, в том числе Александрию Крайнюю (Ходжент). Ответной мерой был поход греческого полководца Демодама, переправившегося через Сырдарью в районе той же Александрии. Тем не менее, в известиях источников, относящихся к III–II вв. до н.э., дахи фигурируют уже как племена, обитающие вместе с согдийцами внутри материка «выше» приморских «Скифских пустынь», у поворота Окса (Амударья) на север, а южнее – на обширной территории к востоку от Каспийского моря, «на левой стороне при входе» (через Узбой?) в него и недалеко от Гиркании (в Дахистане), а также в долине реки Ох (в данном случае это может быть только Атрек) и вплоть до Ареи и Маргианы. Дахи, обитавшие по Оху, и явились основателями парфянского государства Аршакидов (середина III в. до н.э.)⁴.

Примерно тогда же из земель, тоже расположенных где-то «выше», продвигались по степному поясу на запад племена аорсов⁵. По крайней мере к середине II в. до н.э. они уже владели территорией от Нижнего Танаиса (Дона) до Каспийского моря. Все это хорошо и давно известно по данным источников. Но следует учитывать, что источниками засвидетельствована и более ранняя стадия в расселении аорсов. Птолемей (VI. 14. 10), опираясь на источники, восходящие к III–II вв. до н.э., сообщает, что к западу от яксартов, т.е. народа, обитающего по реке Яксарт (Сырдарья), но к востоку от реки Ра (Волги), не доходя до нее, обитают аорсы. Эти аорсы должны быть локализованы на пространстве от Западного Приаралья примерно до реки Урал. Благодаря миссии Чжан Цяня об этих аорсах стало известно во II в. до н.э. и в Китае. Чжан Цянь, видимо, воспользовался в данном случае сведениями того же итинерария, что и Птолемей, поместив Яньдай (аорсы) к северо-западу от Каигюй (яксарты), у северного моря (Каспийское или Аральское моря), к северу от Аньси (царство Аршакидов) (см. обсуждаемую книгу, с. 266–268, 274–278). Возможно, что уже тогда аорсы контролировали торговый путь по Узбою, как и позже, когда они, по словам Страбона (XI. 5. 8), владели большей частью побережья Каспийского моря в его северной половине: ведь индийские товары они могли получать только по этому пути⁶. Похоже, что аорсы и дахи – одни и те же племена, распространяв-

⁴ Эта реконструкция и в целом, и в отдельных деталях воспроизводилась мною неоднократно в уже опубликованных работах. Поэтому тех, кого интересует ее аргументация, а также ссылки на источники и литературу, отсылаю к моим работам: *Пьянков. Средняя Азия...* С. 54, 68, 71, 172, 228, 233, 234, 256, 268; *он же. Античные авторы о Средней Азии и Скифии* // ВДИ. 1994. №4. С. 202–205; *он же. Массажеты Геродота* // ВДИ. 1975. №2. С. 68; *он же. К вопросу о маршруте похода Кира II на Массагетов* // ВДИ. 1964. №3. С. 123–125. См. также мою рецензию (ВДИ. 2002. №3. С. 223–227) на цитируемую ниже, в прим. 5, монографию М. Олбрыхта; отмечу, что на с. 224, в строке 9-й сверху следует читать: «по эту сторону» (вместо: «по ту сторону»), как и было в моей рукописи, представленной в редакцию).

⁵ Одна из последних работ, посвященных специально аорсам: *Olbrycht M.J. Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon* // *Klio*. 83. 2001. №2. S. 425–450.

⁶ О торговле сарматов и аорсов см. *Olbrycht. Die Aorser...* S. 438–442; *idem. Der Fernhandel in Ostarmatien und in den benachbarten Gebieten (zweite Hälfte des 2. Jhs.–1. Jh. v. Chr.)* // *Lavarna*. 2001. XII. S. 86–122.

шиеся из одного центра, но в разных направлениях: первые – на запад и юг, вторые – на юго-восток и затем на запад. Такое предположение подтвердится, если сопоставить дахов и аорсов с теми племенами, которые оставили подобные и катакомбные погребения с южной ориентировкой, обычно объединяемые понятиями «прохоровская» (IV–II вв. до н.э.) и «суловская» (II в. до н.э.–I в. н.э.) археологические культуры. Поразительно совпадение общей картины расселения аорсов и дахов – с одной стороны, прохоровско-суловских племен – с другой.

Первые памятники с чертами прохоровской культуры зафиксированы на Южном Урале и датируются V–IV вв. до н.э., отсюда они распространяются на запад и уже в III в. до н.э. во множестве появляются на Нижней Волге, а затем и на Нижнем Дону, причем одновременно количество подобных памятников в Приуралье уменьшается⁷. В то же самое время подбойные и катакомбные погребения с южной ориентировкой появляются и на юге: в Восточном Прикаспии и на Узбое, на Устурте и в Хорезме (см. обсуждаемую книгу, с. 30, 31, 96, 99, 108, 109, 150, 151, 161–166, 229–233, 248–250, 301). Распространение этих памятников отражает направление потоков тех кочевников, которые в письменных источниках именуются аорсами.

Другое направление передвижения кочевников отражено в распространении подбойных и иных погребений с южной ориентировкой, датируемых в целом III в. до н.э. – I в. н.э., в правобережье Сырдарьи (Каратау), на западе Ферганы, в Согде (окраины Бухарского и Самаркандского оазисов), в подгорной полосе Копетдага, в долине Сумбара (приток Атрека)⁸. А прямые аналогии керамического комплекса подбойно-катакомбных погребений с южной ориентировкой в Южном Зауралье и Северном Казахстане II в. до н.э.–I в. н.э. с посудой оседлого населения более южных областей – в памятниках Арыси, Ширинсыя, Серакса⁹ – точно соответствуют этапам движения кочевников на юго-восток и юг, отмеченным в письменных источниках: правобережье Сырдарьи, Согд, Арея. Это уже направление движения дахов. Если учесть, что памятники тех же самых кочевников во множестве концентрируются и в районе древнего центра парфянского царства Аршакидов (Ниса, подгорная полоса Копетдага), основанного, как известно, дахами, даже вклиниваясь в места расселения оседлого населения¹⁰, а гробницы парфянской знати в Новой Нисе II–I вв. до н.э. имеют своей исходной формой погребения опять тех же кочевников¹¹, то атрибуция подбойно-катакомбных погребений с южной ориентировкой как памятников дахов кажется в высшей степени вероятной.

Должен отметить еще, что реконструированные направления передвижений аорсов и дахов вполне объясняются маршрутами кочевок скотоводов в этих местах и затем удивительно точно повторяются последующими миграциями кочевых племен, на что я тоже не раз обращал внимание в своих работах.

Все это и дало мне основание предполагать, что аорсы и дахи – один и тот же народ под двумя разными названиями – изначально тождественны носителям прохоровской культуры¹². Совпадения здесь настолько очевидны, что вполне понятно, что я был не первым и не единственным, кто пришел к такому выводу¹³. Тем не менее, приговор автора обсуждаемой книги неумолим: все эти сопоставления «не просто спорны, а ложны».

Чем же Б.И. Вайнберг обосновывает столь суровую оценку? Здесь опять не обойтись без пространной цитаты из рассматриваемой книги: «И.В. Пьянков в течение многих лет настоя-

⁷ Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 43, 47. Эти же процессы движения «прохоровских» племен с Южного Урала на запад подтверждаются и уточняются материалами новейших археологических работ: Гуцалов С.Ю., Баталов С.Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска. Уфа, 2001. С. 154, 155.

⁸ Новейшую сводку материалов см. *Olbrycht M.J. Parthia et ultiores gentes*. München, 1998. S. 247–252. См. также *Мандельштам А.М.* Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до н.э. и первые века н.э. // Стенная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 107–110. В дополнение к указанным перечням см. *Маловицкая Л.Я.* Тамдинский курганный могильник III–I вв. до н.э. Известия КазССР. №67. Серия археологическая. Вып. 2. Алма-Ата, 1949 (1950). С. 120; *Латынин Б.А., Оболдуева Т.Г.* Исфаринские курганы. К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы // КСИИМК. 1959. 76. С. 18.

⁹ *Баталов С.Г., Усмонова Э.Р.* Памятники II в. до н.э.–I в. н.э. в урало-казахстанских степях // Приуралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 151–155.

¹⁰ *Кошелев Г.А.* Культура Парфии. М., 1966. С. 46, 47.

¹¹ *Крашенинникова Н.И.* Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 126.

¹² *Пьянков.* Массагеты... С. 68; *он же.* Античные авторы... С. 202–205.

¹³ Помимо мнения А.А. Марущенко и К.Ф. Смирнова, на которых я уже ссылался в своих работах, см. также *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 9, 10; *Olbrycht. Parthia...* S. 252 (со ссылкой на В.П. Никонорова).

чиво связывает сообщение Аполлодора о переселении дахов из области 'над Меотидой' (Аральским морем в данном случае) с предполагаемым им распространением прохоровской культуры на юге Средней Азии... Первоначально он ссылался на устное сообщение А.А. Марущенко, а затем и на авторитет К.Ф. Смирнова... Нисколько не подвергая сомнению авторитет этих археологов, должна заметить, что их заключения сделаны в период начальной стадии изучения памятников Восточного Прикаспия, когда внимание обращалось на сходство материалов из них с любыми соседними культурными комплексами, прежде всего для определения хронологии. Поэтому и было отмечено сходство типов оружия из склепов на Дордуле, раскопанных в 70-х годах, с прохоровскими, что не может быть признаком культурной принадлежности народа, так как типы оружия имеют более широкие ареалы, чем этнос...» (с. 229).

Начнем с сообщения Страбона (XI. 9. 3) об исходе дахов из области «над Меотидой». Б.И. Вайнберг подробно разъясняет, что «...район распространения прохоровской культуры в Южном Приуралье», далекий от Арала, «не является областью 'над Меотидой'» (с. 230). Заметим, что античные определения «над», «выше» по отношению к морю означают просто «дальше от моря», «где-то в глубине материка», причем направление определялось с позиций говорящего. Если учесть географический кругозор Страбона и его предшественников, считавших, что где-то совсем недалеко к северу от Меотиды находится Океан (XI. 1. 5), т.е. граница обитаемой земли¹⁴, то будет ясно, что много определения для района первоначального распространения прохоровской культуры они и не могли дать.

Все остальное в приведенной цитате вызывает только недоумение. При чем здесь Дордуль и разъяснение такой азбучной истины, как то, что этническую атрибуцию культуры нельзя основывать на типах оружия? Заключение о соответствии прохоровской культуры дахам основано не на сходстве типов оружия из погребений Дордуля, раскопанных в 1970-х годах, с прохоровскими, а на том наблюдении, что катакомбные погребения с южной ориентировкой, распадавшиеся, по крайней мере, с 1950-х годов, расположены непосредственно в историческом центре государства Аршакидов и должны принадлежать кочевникам, основавшим это государство, т.е. дахам¹⁵. Почему автор говорит только о каменных склесах Дордуля, уверяя, что «каких-либо специфически прохоровских элементов культуры» в них нет (с. 230)? Ведь автор понимает, что речь идет не о каменных склесах, действительно, как он и считает, принадлежавших массагетам, а не дахам, но о земляных курганах с подобно-катакомбными погребениями и южной ориентировкой погребенных (имеющихся, кстати, и на Дордуле). Можно ли относить среднеазиатские памятники этого последнего типа к прохоровским – это, конечно, вопрос, входящий в сферу компетенции археологов. Б.И. Вайнберг считает, что данные памятники относят к прохоровской культуре «по обряду погребения и типу погребального сооружения», а не по керамике (собственного производства которой у племен, оставивших эти памятники, вообще не было) лишь «неспециалисты» (с. 230). Следовательно, В.Н. Ягодина, считающий, что памятники рассматриваемого типа на Устье относятся к прохоровским, к «приуральской территориальной группе прохоровской культуры»¹⁶, О.В. Обельченко, утверждающий, что такие же памятники в Согде идентичны прохоровским Южного Урала и Нижнего Поволжья и что близость эта может быть объяснена только переселением кочевников Южного Урала в Среднюю Азию¹⁷, К.Ф. Смирнов, который, опираясь на материалы О.В. Обельченко, говорит о продвижении прохоровской и суловской культур на юг, в Бухарский оазис¹⁸, и еще многие другие – все это «неспециалисты»?

¹⁴ Относительно общих представлений Страбона и его географических авторитетов об этой части света см. *Пьянков. Средняя Азия ...* С. 162–167, 297. Рис. 8А.

¹⁵ См., например: *Марущенко А.А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // *Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР.* Ашхабад, 1959. Т. V. С. 110–122; *Мандельштам А.М.* Мешрепитактинский могильник // *КСИА.* 1971. 128. С. 66–72.

¹⁶ *Ягодина В.Н.* Сарматский курган на Устье // *КСИА.* 1978. 154. С. 88, 89.

¹⁷ *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М., 1992. С. 141, 142, 220–228. Правда, этих кочевников он ошибочно отождествил с племенами, сокрушившими Греко-Бактрийское царство, кажется, вообще не ведая о проблеме дахов. Ю.А. Заднепровский, пытаясь оспорить эту близость (на мой взгляд, не очень убедительно), указывает на еще большую близость соответствующих памятников Согда погребениям Шаушукумского могильника на Средней Сырдарье (речь идет о катакомбах «лявандакского типа»), свидетельствующую, по его мнению, о переселении кочевников в Согд из-за Средней Сырдарьи (*Заднепровский Ю.А.* Древние номады Центральной Азии. СПб., [1997]. С. 106–110). Но это наблюдение лишь иллюстрирует два этапа в движении дахов на юго-восток: сначала к Средней Сырдарье, затем в Согд.

¹⁸ *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 117.

Наконец, автор считает, что попытки связать прохоровскую культуру одновременно и с аорсами, и с дахами «явно противоречат» друг другу (с. 230, 231). Примеров, когда один и тот же кочевой народ в разных источниках и у разных народов носит разные названия, можно приводить бесчисленное множество. Ограничимся одним: кипчаки, пришедшие с востока в восточноевропейские степи и попавшие в поле зрения русских летописцев, носят у них, как известно, название половцев.

Что же предлагает взамен автор обсуждаемой книги? Где обитали дахи и какой археологический след после себя оставили? Автор предлагает считать в качестве такового чирикрабатскую культуру, существовавшую в западной части древней дельты Сырдарьи в IV–II вв. до н.э. На чем основано такое предложение, не известно, так как автор не дает никакой аргументации. Единственная, пожалуй, ссылка на свидетельство источника, которое хоть как-то могло бы объяснить эту гипотезу, – указание на сообщение историков Александра Македонского о связи дахов с Танаисом (Сырдарьей), что, по мнению автора, «отвечает их локализации на Пра-Жандарье, бывшей в V–II вв. до н.э. самым юго-западным дельтовым руслом Сырдарьи» (с. 263). Но представления современников Александра о низовьях Сырдарьи были настолько туманными, что они определенно ничего не знали о племени, обитавшем на «самом юго-западном дельтовом русле» этой реки. В поле их зрения находилось только среднее течение реки, с которым и надо связывать дахов той поры. К тому же, по более точным данным, они обитали не «по» реке, а «за» рекой, на «европейском» материке. Далее, нужно учитывать, что указанное сообщение относится только к одному определенному моменту истории дахов, в целом же источники связывают их с неизмеримо более широкой территорией, а чирикрабатская культура известна только в низовьях Сырдарьи. Хронологически чирикрабатская культура, датируемая IV–II вв. до н.э., так же плохо увязывается с дахами, сведения источников о которых относятся ко времени с V в. до н.э. по первые века н.э.

Тем не менее, Б.И. Вайнберг считает, что «можно с достаточным основанием предположить, что комплекс чирикрабатской культуры низовьев Сырдарьи принадлежал дахам (дахам)» (с. 261). Но изложенные перед этим утверждения «основания» являются не аргументацией в собственном смысле, а попыткой согласовать уже принятую в качестве бездоказательного постулата гипотезу с известными фактами (с. 260, 261).

Первое «основание». Поскольку, как мы видели, чирикрабатская культура хронологически не согласуется с дахами, предлагается следующее объяснение этой нестыковки: чирикрабатский комплекс генетически связан с культурой саков низовьев Сырдарьи, что предполагает этническую преемственность населения на данной территории с VII по II вв. до н.э. (с. 260, 261). Далее эти археологические «саки низовьев Сырдарьи» совершенно произвольно отождествляются с «саками за Согдом» древнеперсидской надписи, а эти последние – с дахами (с. 261–264). Мне уже приходилось говорить о невозможности отождествления «саков за Согдом» с дахами и локализации этих народов в Восточном Приаралье¹⁹. Добавим к этому: тот факт, что дахи в древнеперсидской надписи не названы саками, хотя персы считали саками даже европейских скифов, напротив, говорит о том, что дахи в глазах персов отличались чем-то существенным от более ранних кочевников, а то обстоятельство, что дахи появляются впервые в надписи Ксеркса, но не в более ранних древнеперсидских надписях, естественнее всего объяснить, в соответствии со всеми прочими данными, тем, что именно в это время дахи и появляются впервые на географическом и политическом горизонте персов.

Что же касается «саков за Согдом», то заметим, что до появления современных географических карт единственным ориентиром для определения положения «за», «по ту сторону» и т.п. были путевые данные, а путь завоевателей в Средней Азии, начиная с Кира Великого, всегда проходил по одному маршруту: Бактрия – Согд – саки, причем переходом из Согда в страну саков являлась переправа через Сырдарью в ее среднем течении (в районе Ходжента). Об этом пути четко помнила традиция²⁰, которая и легла в основу наиболее известной античной географической схемы Средней Азии: Бактрия – Окс (Амударья) – Согд – Яксарт (Сырдарья) – страна саков²¹. Так что «саками за Согдом» могли быть только ферганские и Тяньшанские саки (т.е. собственно саки). Объяснение же, предлагаемое автором, выглядит очень странно: саки были названы засогдийскими потому, что их сатрапская резиденция находилась *по ту сторону* (с точки зрения персов) непроходимой Скифской пустыни, отделявшей ее от Согда (с. 262). Помимо того, что само определение «засогдийские» выглядит в таком случае нелепо, также и со-

¹⁹ Пьянков, К вопросу ... С. 122–125.

²⁰ Он же. «Саки». (Содержание понятия) // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. 1968. №3 (53). С. 15.

²¹ Он же. Средняя Азия ... С. 234–247.

отнесение саков с Согдом становится излишним: наверное, у персов были более удобные, нежели через Согд и пустыню, пути доступа к этой «сатрапской резиденции».

Второе «основание». Материалы чирикрабатской культуры, в частности, следы сатрапской резиденции (Бабиш-мулла 1) свидетельствуют о «включении носителей чирикрабатской культуры в административно-хозяйственную систему Ахеменидской империи» (с. 261). Упомянутые в древнеперсидских надписях дахи, они же «саки за Согдом», и образовывали будто бы сатрапию, центром которой было население Бабиш-муллы 1 (с. 131, 132, 179, 261, 262, 301, 302). Необходимо сказать прежде всего, что упоминание того или иного народа или страны в древнеперсидских надписях не означает с необходимостью, что этот народ или страна каждый раз представляет особую сатрапию. Это относится не только к чисто географическим указаниям (в контексте которых упоминаются «саки за Согдом»), но и к спискам подвластных персам стран (в одном из которых упоминаются дахи). Поскольку «саки за Согдом», как мы видели, не имеют ничего общего ни с дахами, ни с низовьями Сырдарьи, мы вообще исключаем их из дальнейшего рассмотрения. Дахи же, несомненно, входили в сферу политического влияния Ахеменидов²², но нет ни единого намека на то, что они образовывали сатрапию; скорее всего, они имели статус союзников.

Как же в таком случае объяснить существование сатрапской резиденции в Бабиш-мулла 1? Я думаю, что некоторый свет на это обстоятельство могут пролить данные Ктесия. Мне уже приходилось воспользоваться этими данными для заключения о том, что ко времени Ктесия (конец V – начало IV в. до н.э.) Хорезм представлял собой отдельную сатрапию²³, и этот вывод, как кажется, был хорошо воспринят археологами. Но те же данные (fr. 9. §8. Jacoby) свидетельствуют и о существовании сатрапии дербиков (= массагетов): согласно Ктесию, сатрапами дербиков и барканиев (= гирканцев) были сыновья некоего знатного мидийца; хотя Ктесий переносит этот факт во времена Кира Великого, на самом деле, как и в других случаях, он отражает современные Ктесию условия. Поскольку и по другим, независимым, данным Гиркания в это время являлась отдельной сатрапией, можно, видимо, доверять и сообщению о сатрапии дербиков. До этого массагеты (= ортокорибантии), судя по Геродоту (III. 92), причислялись к мидийской сатрапии. Но тесная связь между Мидией, Гирканией и массагетами продолжала сохраняться²⁴ – всех их, видимо, объединяла ориентация на Каспийское море, с которым через Узбой были связаны и массагеты.

Третье «основание». Памятники чирикрабатской культуры исчезают в древней дельте Сырдарьи в III в. до н.э., а к началу II в. до н.э. эта культура полностью прекращает свое существование (с. 261, 263). Такая датировка конца чирикрабатской культуры будто бы соответствует переселению дахов в Прикаспий и на северные границы Парфии в III в. до н.э. (с. 263). Хронологическое совпадение здесь есть, но кроме него – никаких других. Дахи именно после переселения на юг, к пределам Парфии, выходят на арену истории, упоминаниями о них перестают тексты исторических сочинений того времени, что свидетельствует и о незначительности их, и о неслучайности исчезновения, а вот чирикрабатская культура как раз к этому времени «полностью исчезает» (с. 261), и предполагаемые памятники ее в Туркмении, у пределов Парфии, «еще ждут своего открытия» (с. 224), что довольно странно, если учитывать хорошую археологическую изученность этих мест. Зато «ложно сопоставленные» с дахами памятники в виде подобно-катакомбных погребений с южной ориентировкой, как назло, появляются, и в незначительном числе, именно там, где и следует ожидать присутствия дахов.

Словом, попытка отождествить дахов с носителями чирикрабатской культуры выглядит настолько натянутой, что нельзя не присоединиться к оценке ее, данной М. Олбрыхтом: гипотезу Б.И. Вайнберга со всей ее аргументацией приходится признать неосновательной²⁵.

В связи с переселением дахов коротко коснемся здесь и вопроса о судьбе массагетов после этого переселения. Б.И. Вайнберг «представляется неверным» мое «предположение о том, что дахи (даи) вытеснили массагетов с их территории между Каспием и Амударьей» (с. 224). Но речь не идет и не шла о полном вытеснении массагетов. Автор прав, предполагает стабильное и непрерывное обитание массагетов на Узбое и Устюрте с IV в. до н.э. по IV в. н.э., судя по памятникам их культуры (каменные склепы) (с. 224, 228). Обитавшие здесь массагеты-апасиаки оставили по себе долгую память, о чем свидетельствуют и представления поздних гре-

²² *Он же*. Массагеты... С. 68. Прим. 106.

²³ *Он же*. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 42.

²⁴ Обо всем этом более подробно см. там же с. 36–38, 43–45, 48, 49.

²⁵ *Olbrycht. Parthia...* S. 252. Anm. 21.

ческих авторов об абасах как массагетском народе²⁶, и название средневекового прикаспийского города Абескун. Но на основной территории «между Каспием и Амударьей», как и вообще в пустынном регионе Туранской низменности, массагетов действительно сменили дахи. Если в географических описаниях, восходящих к ахеменидской эпохе, в рассказах о последнем походе Кира или о событиях, связанных с походами Александра, здесь безраздельно господствуют массагеты, свободно перемещаясь, например, от границ Согда к столице Бактрии, то начиная с эллинистической эпохи здесь всюду мы видим дахов; такую замену массагетов дахами заметил еще в древности Страбон (XI. 6. 2; 7. 1). Обо всем этом я писал во многих своих работах, повторять которые в деталях нет необходимости.

Если уж говорить об этнической атрибуции чиркирабатской культуры, то гораздо более удачным представляется мнение о связи ее с апасиаками, которого придерживался еще С.П. Толстов²⁷. Но необходимо сделать оговорку: с апасиаками следует связывать не только чиркирабатскую культуру, но и узбойскую культуру каменных склепов, а в известной мере – и «кангюйскую» культуру Хорезма. Моя концепция, изложенная в ряде работ, сводится к следующему. Апасиаки выступили на арену истории как новое мощное объединение массагетских племен, сформировавшееся в конце V или начале IV в. до н.э. Соответственно и созданная ими культура являет генетическую преемственность с более ранними массагетскими культурами. С возникновением этого объединения связана ликвидация власти Ахеменидов в низовьях Амударьи и в Хорезмском оазисе. Видимо, тогда же апасиаки завладели Хорезмским оазисом, – судя по тому, что хорасмианцы стали причисляться к массагетам, а последние, как отмечается в источниках, стали владеть «хорой», т.е. земледельческой областью. Так вожди апасиаков оказались царями хорасмиев, и один из них воздвиг по апасиацкому обряду грандиозную усыпальницу Койкрылганкалы на территории Хорезмского оазиса в начале IV в. до н.э. Во времена походов Александра, в конце IV в. до н.э., этот народ выступает в источниках под именем апасиев или абиев, которые, по-видимому, и являлись теми массагетами, с которыми имели дело македонские завоеватели. Эти массагеты, апасии или абии, постоянно ассоциируются в источниках с хорасмиями, что мы наблюдаем и в сообщении о хорасмийском царе Фарасмане, прибывшем к Александру. Возможно, что власть Фарасмана простиралась на весьма обширные степные территории. К III в. до н.э. апасиаки занимали земли от низовьев Амударьи и Сырдарьи вдоль по Узбою вплоть до Гиркании, явно включавшие также Хорезмский оазис. Во второй половине того же века апасиаки принимали у себя парфянских царей, бежавших от Селевка II и Антиоха III; вполне вероятно, что и тогда апасиаки имели своей базой Хорезмский оазис. Однако к I в. до н.э. ситуация меняется: апасиаки теряют основные свои земли в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где их сменяют, видимо, сакарауки, еще во II в. до н.э. вторгшиеся из-за Сырдарьи²⁸. Так что и конец апасиаков соответствует концу чиркирабатской культуры.

И эта концепция является естественным логическим выводом, к которому подводит изучение всей совокупности источников. Подобные идеи относительно апасиаков и Хорезма высказывал еще С.П. Толстов²⁹. Очень близких изложенной концепции взглядов на место апасиаков в истории Средней Азии придерживается М. Олбрыхт (ссылаясь и на мои работы)³⁰. Но ответ автора обсуждаемой книги и здесь краток и решителен: мои «попытки размещения» апасиаков в Хорезме «не согласуются ни с данными письменных источников, ни с археологическими материалами, которые хорошо увязываются между собой» (с. 231).

«Хорошо увязывая» оба вида этих источников, Б.И. Вайнберг размещает апасиаков на Большом Балхане и Нижнем Узбое, отдавая им западную группу памятников узбойской культуры, а восточную группу памятников той же культуры на Верхнем и Среднем Узбое приписывает дербикам (с. 225–227, 262, 301, 307). Здесь хотелось бы прежде всего остановиться на той методике наделения археологических культур этническими именами, которая присуща, к

²⁶ Пьянков. К вопросу ... С. 125. Прим. 61.

²⁷ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 136–181. Сам термин «чиркирабатская культура», появившийся позднее, С.П. Толстовым не использовался; см. Вайнберг Б.В., Левина Л.М. Чиркирабатская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 47. Прим. 4.

²⁸ Более подробно эта концепция, со ссылками на источники и литературу, изложена в работах: Пьянков И.В. Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 50, 51; он же. Массагеты ... С. 68–70; он же. К вопросу ... С. 126–128.

²⁹ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 17.

³⁰ Olbrycht. Parthia... С. 36, 43, 52, 57–60, 65, 193, 256; *idem*. Central Asia and the Arsakid kingdom // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 181.

сожалению, многим археологам. Похоже, что вся совокупность этнонимов, встречающихся в письменных источниках, представляется им неким скоплением этикеток, из которого этнические имена можно вытаскивать по одному и наклеивать, по своему вкусу, на ту или иную археологическую культуру, не обращая при этом внимание ни на среду, место и время их бытования, ни на весь диапазон их значений и смысловых оттенков, ни на их соотношение между собой и т.д. Так обстоит дело и в настоящем случае – с апасиаками и дербиками.

Мне уже много раз приходилось говорить в своих работах о дербиках. Вывод таков: почти все сообщения источников о дербиках (деркебиях) дублируют аналогичные сообщения о массагетах, в том числе и сообщения о местах расселения (это, между прочим, относится и к области низовьев Узбоя), а сам этноним является синонимом названия «массагеты», употребленным, видимо, персами и другими западными иранцами (подобно названию-эпитегу «острошапочные») и имеет смысл «бедные, нищие», – возможно, с некоторыми ассоциациями сакрального характера. Выбор же автором обсуждаемой работы сообщения Плиния (VI. 48) в качестве основания для размещения дербиков по Верхнему и Среднему Узбою (с. 225, 226) неудачен еще и потому, что упоминаемые там «дребики» не имеют никакого отношения к дербикам. Дребики, обитающие у реки Окс в районе Оксийского озера (озера Оакс), т.е. в районе Сарыкамышла, соответствуют дрибактам Птолемея (VI. 12. 4), а название их означает, по В. Томашеку, «лесные жители», ср.: «древляне»³¹.

Что же касается предлагаемой автором локализации массагетского племени апасиаков (с. 226, 227), то источники действительно связывают его с низовьями Узбоя: я имею в виду знаменитый рассказ Полибия (X. 48) о переходе через Окс в Гирканию. Но Полибий говорит здесь и о том, что живут апасиаки «между Оксом и Танаисом» (Танаис здесь – Сырдарья). Это указание вполне можно относить, исходя из контекста, к низовьям Амударьи и Сырдарьи, к области почти сливавшихся в древности дельт обеих рек. Так что дербиков – если следовать автору – придется втискивать на Узбос куда-то между апасиаками. Предположение же автора, будто бы древние принимали за устье Сырдарьи Комсомольский залив либо Мертвый Култук Каспийского моря или реку Эмбу (с. 226, ср. с. 213–217), в данном случае противоречит Полибию (X. 48), который знал: в Гирканское (т.е. Каспийское) море впадает лишь Окс (здесь – Узбой), а Танаис (здесь – Сырдарья) «изливается в озеро Меотиду»³². О песиках, или пасиках (т.е. апасиаках), знает и другая античная традиция, примерно одновременная с Полибием, но независимая от него. Она нашла отражение в сообщении Помпония Мелы (III. 42) о северном устье Окса между песиками и амардами³³ (имя последних сохранилось в названии средневекового города Амуть, ныне Чарджоу, на левом берегу Нижней Амударьи), где песики должны быть помещены в области Акчадарьинской дельты Амударьи и южных протоков древней дельты Сырдарьи, а амарды – в области Сарыкамышской дельты Амударьи (это, возможно, носители куюсайской культуры), и в сообщении Птолемея (VI. 12. 4) о пасиках, обитающих вдоль Оксийских гор, которые на схеме, использованной Птолемеем, были, видимо, представлены как горная цепь, тянущаяся от Оксианского озера и Яксарта на юго-запад вдоль каспийского рукава Окса³⁴, и, следовательно, должны соответствовать возвышенностям на правом берегу Узбоя.

Мы уже видели, что автор обсуждаемой книги отвергает сопоставление памятников прохоровского типа (подбойно-катакомбные погребения с южной ориентировкой) Средней Азии с поразительно точно соответствующими им указаниями источников о дахах как ложное. Какое же соответствие для этих памятников автор предлагает взамен? Ответ удивителен: это юечжи. Откуда взялись никому не известные в этих местах юечжи? Б.И. Вайнберг исходит из того, что поскольку «...появление подбойно-катакомбных погребений в Средней Азии в последних веках до н.э. объясняется вторжением "Больших юечжи" (Да-юечжи) китайских источников, то можно предположить, что и более ранние погребения этого неизвестного до того в Средней Азии типа тоже оставлены племенами "юечжйского" объединения». При этом автор заявляет об «отсутствии каких-либо письменных источников, отмечающих появление новых групп кочевников в Хорезме или где-либо в Средней Азии в IV–III вв. до н.э.» (с. 242). Сообщения о переселениях дахов здесь вообще забыты!

Что касается ссылки автора на подбойно-катакомбные погребения, связываемые с племенами юечжей, то исследователи, работавшие с памятниками указанного выше прохоровского

³¹ Пьянков. Средняя Азия... С. 148–150, 277.

³² Там же. С. 229.

³³ Там же. С. 255. Мела, поздний компилятор, путает это северное устье Окса с другим, каспийским, где Окс должен был впадать в Скифский залив между дербиками и гирканцами, пытаясь совместить оба эти русла (ср. III. 39).

³⁴ Там же. С. 277, 278.

типа в Средней Азии, отмечая идентичность их с однотипными памятниками Южного Урала и Поволжья, как раз подчеркивали резкое отличие их от подобно-катакомбных погребений юго-востока Средней Азии³⁵, видимо, действительно принадлежавших племенам юечжей. Сконструированная же автором картина расселения юечжей на запад в IV–II вв. до н.э.: через Иртыш в Приуралье, на Устюрт, в Хорезм, Согд и к Большому Балхану (с. 247–251) – полностью фантазия автора, ни единого намека в письменных источниках на этих фантомных юечжей нет.

Превратности, которые испытали по воле автора дахи, апасиаки, юечжи и прочие народы, постигли на страницах рассматриваемой книги и хорасмиев. Я еще в своей работе 1972 г. высказал гипотезу (развивая положения, выдвинутые некоторыми учеными задолго до меня), согласно которой хорасмии в течение ахеменидского времени с конца VI по IV в. до н.э., постепенно переселялись из Восточного Хорасана, из области к востоку от Парфии, в низовья Амударьи, в Хорезмский оазис, что нашло отражение в появлении там памятников «архаической» культуры Хорезма, генетически связанной с более древними земледельческими культурами Хорасана типа Яздепе³⁶.

Исходя из этой гипотезы, Б.И. Вайнберг предложила считать хорасмийцами носителей только что открытой тогда куюсайской культуры, а переселение их вести из Хоарены на крайнем западе Хорасана и относить к VII в. до н.э., т.е. к доахеменидскому времени³⁷. В статье 1983 г. я возражал против такой трактовки гипотезы о переселении хорасмиев, отмечая, что принятие ее ведет к весьма существенным неуразумениям. Поскольку ныне эта работа труднодоступна, позволю себе процитировать суть моих возражений. «Прежде всего, датировка таким ранним временем лишает логической опоры само предположение о переселении. Ведь о переселении хорасмиев из Хорасана в Хорезм прямо не говорит ни один древний источник. Мысль о переселении – это лишь умозаключение, основанное на том факте, что источники конца VI–V вв. до н.э. помещают хорасмиев к востоку от Парфии, а источники IV в. до н.э. и последующего времени – только в Хорезмском оазисе. На чем же основан тезис о переселении хорасмиев в VII в. до н.э., да еще из Хоарены, крайней западной области ранней Парфии? Памятников куюсайской культуры, насколько мы понимаем, в Хорасане нет. Предположение о переселении куюсайцев само порождено идеей о переселении хорасмиев, которая, как видим, остается без опоры. Кроме того, гипотеза Б.И. Вайнберг не учитывает, что хорасмии уже на своей "прародине" характеризуются как культурный народ, имеющий свой "город" и занимающийся ирригационным земледелием. Как же получилось, что хорасмии в Хорезмском оазисе стали скифским народом скотоводов? Заметим, что сами хорезмийцы, насколько можно судить об их исторической традиции по данным упомянутых средневековых авторов, считали своих предков земледельцами, поселившимися в "тюркской" среде³⁸. Однако в обсуждаемой работе Б.И. Вайнберг просто повторила тезис и аргументацию своей прежней работы, ограничившись краткой ссылкой на мою цитированную выше статью (с. 152–158, 234–241). Все вопросы так и остались без ответа. Относительно археологической стороны предложенной мною гипотезы я писал следующее: «Подтвердится ли высказанная гипотеза археологически – покажет будущее. В частности, многое будет зависеть от того, удастся ли проследить истоки "архаической" культуры в памятниках, происходящих с территории Туркмено-Хорасанских гор (включая предгорья Копетдага) и долины Герируда-Теджена», а также от того (как считали некоторые археологи), можно ли датировать появление «архаической» культуры в Хорезме временем не ранее ахеменидского³⁹. Имеющиеся ныне в распоряжении науки археологические материалы свидетельствуют о том, что появление «архаической» культуры в Хорезме «бесспорно» связано с «изменениями этнической картины, в частности, приходом новых значительных групп населения, которые и принесли в Хорезм «элементы культуры, свойственные традиционно земледельческому югу Средней Азии»⁴⁰. Даже исследователи, ранее не склонные к такому выводу, ныне допускают возможность прихода в Хорезм в это время каких-либо групп населения с юга⁴¹. Этот процесс являлся лишь одним из

³⁵ Обельченко. Ук. соч. С. 140, 221.

³⁶ Пьянков И.В. Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 18–20.

³⁷ Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 49–52.

³⁸ Пьянков. Хорезм ... С. 44.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ягодина В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 318.

⁴¹ См. по этому поводу: Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Т. I. Душанбе, 1998. С. 241, 628. Относительно возможности таких переселений см. также Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приуралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 30; Вишневецкая О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2. С. 171.

этапов общего процесса колонизации древними земледельцами Арианы соседних областей, пригодных для земледелия, причем, видимо, одним из наиболее поздних этапов⁴². И направлялся этот поток колонизации, как показывают последние исследования, действительно из долины Теджена и прилегающего участка подгорной полосы Копетдага⁴³. Что касается датировки, то ныне, кажется, никто не относит «архаическую» культуру Хорезма ко времени ранее VI в. до н.э., и сам автор обсуждаемой книги связывает ее с ахеменидским завоеванием (с. 153, 235).

Тем не менее, Б.И. Вайнберг не видит оснований связывать появление в Хорезме комплексов «архаической» культуры с переселением в низовья Амударьи населения с юга: «скорее всего, это была культурная интеграция» (с. 153, 235), хотя трудно представить такую степень культурной интеграции без появления в Хорезме людей – носителей новой культуры. Зато увлеченная своей идеей о куюсайцах как хорасмиях, автор уверенно рисует картину переселения носителей куюсайской культуры из Северного Ирана в Хорезм, основываясь лишь на некоторых чертах керамического комплекса этой культуры и «развитую обработку бирюзы» (с. 154–156, 235–241). Предполагаемая автором связь своеобразной керамики куюсайцев с керамикой Ирана (мидийская культура ЖВИ III) и гончарный импорт из области Туркмено-Хорасанских гор (Яз II и культура «архаического Дахистана») (с. 154) вполне могут быть объяснены существованием водного пути по Узбою, который обеспечивал прямую связь куюсайцев не только с ближайшими областями юго-запада Средней Азии, но и с западом Ирана и еще более западными областями (с. 45, 147). Впоследствии, как мы видели, этот путь обусловил даже административную связь скотоводческих племен Приаралья с Западным Ираном (Мидией). Развитая обработка бирюзы сама по себе отнюдь не обязательно указывает на тесную связь с районом Нишапура (с. 155); разрабатывались ли в это время нишапурские месторождения бирюзы – не известно, зато точно известно, что в непосредственной близости от куюсайцев, в Хорезме, в горах Султануиздага и в прилегающих районах пустыни Кызылкум такие разработки велись⁴⁴.

Попытки Б.И. Вайнберг найти обоснование предполагаемому переселению куюсайцев в письменных источниках выглядят столь же шатко. Сообщение Диодора (III. 43. 6) о переселении скифскими царями савроматов из Мидии к Танаису не имеет никакого отношения к Средней Азии (ср. с. 237). Оно представляет собой одну из версий античных рассказов о происхождении савроматов (подобную изложенной Диодором тут же версии о происхождении малоазиатских ассирийцев). На трактовку автором этого сообщения как информации о переселении «нижнесырдарьскими саками» куюсайцев из Мидии в низовья Амударьи (с. 155, 156, 235–237) повлияд, видимо, пересказ того же сообщения в «Хрестоматии» под редакцией Л.В. Баженова: «Сакские цари переселили мидийских пленных к Танаиду (Сыр-Дарья)»⁴⁵. На самом деле здесь не говорится ни о «сакских царях», ни о «мидийских пленных», Танаис здесь – Дон, а не Сырдарья. Что же касается «саков», упомянутых будто бы в ассирийской надписи (с. 237, 238), то ассириологи давно уже приняли новое чтение надписи, в котором никаких саков нет⁴⁶.

Имеются в книге, к сожалению, и элементы недобросовестной полемики, рассчитанной на доверчивого и поверхностного читателя. Так, автор говорит о «совершенно фантастическом» заключении И.В. Пьянкова о том, что будто бы урочище Игды располагалось в древности в низовьях Узбоя (с. 231), – ведь такое заключение предполагает подъем уровня Каспийского моря на 70 с лишним метров! (с. 232). Я действительно писал в одной из своих работ, ссылаясь, в свою очередь, на работы С.Н. Муравьева, что в древности воды Каспийского моря «на востоке достигали, видимо, урочища Игды в низовьях Узбоя»⁴⁷. Но означает ли это, что уровень Каспийского моря должен был подняться «на 70 с лишним метров»? Цифра 70 была получена автором книги так: –22 м, –24 м (уровень Каспийского моря в древности, по мнению автора) и + 50 м (уровень «урочища Игды и парфянской крепости в нем») (с. 231, 232). Получается, будто я утверждал, что в древности волны Каспийского моря плескались над высокой крепостью Игды! Сам же автор сообщает, что крепость эта стояла на высоком берегу каньона Узбоя, куда частично она и обрушилась уже в древности (с. 43). Высота берега здесь достигает 25–30 м⁴⁸.

⁴² Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 31, 43.

⁴³ Пилико В.Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1989. С. 24.

⁴⁴ Рапорпорт. Ук. соч. С. 32.

⁴⁵ Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия / Под. ред. Л.В. Баженова. Ташкент, 1940. С. 30.

⁴⁶ Пьянков И.В. К вопросу о саках на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 122–125.

⁴⁷ Он же. Античные авторы ... С. 199.

⁴⁸ Толстов. По древним дельтам ... С. 235.

Если бы автор хотел вести действительно серьезную полемику, то он должен был бы указать уровень дна узбойского каньона в этих местах. К тому же оказывается, что как раз ниже этих мест по руслу Узбоя начинается еще и «резкое падение высот» (с. 231). И действительно, на любой карте можно видеть, что уровень русла Узбоя еще до того, как он меняет основное направление своего течения с западного на юго-западное (немного южнее 40-й широты), становится ниже 0 м, – а это не так уж далеко от урочища Игды. Из того положения, что уровень Узбоя в районе урочища Игды находится на отметке +15, и исходит С.Н. Муравьев в своей реконструкции очертания восточных берегов Каспия к началу III в. до н.э.⁴⁹ (а от его выводов нельзя так легко отмахнуться, как это делает автор – с. 232).

Содержатся в книге и такие моменты полемики, которые свидетельствуют, что автор не понял оспариваемых высказываний своего оппонента и даже о самом предмете полемики не имеет ясного представления. Это замечание можно очень ярко проиллюстрировать следующей цитатой из обсуждаемой книги. «И.В. Пьянков походя делает весьма ответственное и далекое от действительности заключение о том, что "изобразительность" и прежде всего "звериный стиль" не свойственны "искусству древнейшего иранского мира степей"... Этому явно противоречат археологические материалы могильников Уйгарак и Тагискен (как и ранние материалы из Сакар-чага в низовьях Амударьи), при том, что сам он ссылается для доказательства своего тезиса на археологию. Представляется, что И.В. Пьянковым объединяются различные по своим традициям и культурным истокам кочевые иранские народы – массагеты и саки... Он высказал мнение о распространении какого-то "этнического суперстрата" из Центральной Азии (предположительно) в начале I тыс. до н.э. на запад, когда одна из волн этого движения – савроматы – в VII в. до н.э. достигла Приазовья и Предкавказья...» (с. 177). Поводом для этой критической цитаты послужило мое высказывание о том, что для скифских (в широком смысле) народов характерны некоторые черты, не являющиеся исконно иранскими и принесенные, скорее всего, неким этническим суперстратом с далекого востока; «...к этим чертам можно добавить признаки, считающиеся характерными для "скифской" культуры, и прежде всего "звериный стиль" (изобразительность не свойственна искусству древнейшего иранского мира степей, о чем свидетельствует археология и с чем согласуется зороастрийская традиция), истоки которого уходят в Сибирь или глубины Центральной Азии»⁵⁰.

Как автор смогла усмотреть противоречие высказывания о том, что древнейшему иранскому миру степей не свойственна изобразительность, факту наличия такой изобразительности в материалах Уйгарака, Тагискена и Сакар-чага, т.е. в материалах скифского времени, остается загадкой. Неужели автор, профессиональный археолог и этнограф, не знакома с тезисом, ставшим теперь уже общим местом, об иранской этнической принадлежности степных культур Юго-Восточной Европы эпохи бронзы (в противопоставлении этих культур «древнейшего иранского мира» скифским и заключается смысл моей цитаты)? С принципиальной аниконичностью древнейших иранцев и доскифских степных культур, с дискуссиями, пытавшимися объяснить эту своеобразную черту?

Древнейшие иранцы, пришедшие на плато, «не имели собственной изобразительности»; лишь под сильнейшим культурным влиянием Передней Азии, в условиях культурного синкретизма, свое изобразительное искусство появляется в ахеменидскую эпоху у западных, а затем и среднеазиатских иранцев⁵¹. «Полный аниконизм» культуры степей Юго-Восточной Европы

⁴⁹ Муравьев С.Н. Пять античных свидетельств в пользу «Птоломеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 244–247.

⁵⁰ Пьянков. Античные авторы ... С. 196.

⁵¹ Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 76, 77; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 100. См. также Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 76–79; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden–Köln. V. I. 1975. P. 166, 167; V. II. 1982. P. 21, 22, 184–186, 228. Очень показательна в этом отношении история терракотовой скульптуры в древнеземледельческих областях Средней Азии. Достигнув расцвета в эпоху развитой бронзы (Намазга V), она возрождается в эпоху поздней бронзы (Намазга VI) и затем исчезает вплоть до поздней поры ахеменидской эпохи, когда вновь появляется уже под явным среднеазиатским влиянием (Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973; Мешкерис В.А. Художественные образы в мелкой пластике и проблемы исследования идеологических систем древней Средней Азии // Культурное наследие Туркменистана. Апгабат – Санкт-Петербург, 2000. С. 101–103). Этим периодам точно соответствуют в этнической истории Средней Азии доарийская эпоха, продолжавшаяся вплоть до времени развитой бронзы, проникновение первых индоиранцев во времена поздней бронзы и полное господство иранского этнического элемента в последующие времена древности (Пьянков. Некоторые вопросы ... С. 37–40).

доскифской эпохи, т.е. на прародине древнейших иранцев, «можно считать доказанным»⁵². Как же получилось, что скифы, известные своей яркой приверженностью отеческим обычаям, претерпели столь радикальное изменение в своей культуре, резко порвав с традиционным аниконизмом? Мое объяснение сводится к тому, что у скифских народов в определенный момент их истории появилась новая кочевая элита, пришедшая с востока, – суперстрат, быстро растворившийся в местной ираноязычной среде, но существенно изменивший местные культурные традиции (подобные явления обычны в истории кочевых народов евразийских степей). Одной из культурных инноваций и явился «звериный стиль», бесспорно имеющий восточные корни. Археологи по-разному определяют причины и направления заимствования его скифами, но не учитывают, что не только «звериный стиль» и некоторые «вещевые» материалы свидетельствуют о существенных изменениях, но и целый ряд других важных фактов говорит о появлении у скифов новаций, чуждых исконно иранским традициям, причем корни их каждый раз указывают на восток⁵³. В этом и заключается общность массагетов и саков как двух скифских восточноиранских народов, хотя тот, кто знаком с моими работами о массагетах и саках, знает, что я отнюдь не смешивал сведения об этих народах и даже, наоборот, говорил о необходимости строго различать употребление термина «саки» в собственном, узком, смысле и в общем, расширительном⁵⁴.

Изложенными замечаниями я и ограничусь в данном обзоре. Все они так или иначе связаны с критикой моих наблюдений и выводов, опубликованных в печати, – критикой, на которую я считал себя обязанным ответить. К сожалению, разного рода недоразумения и ошибки в обзореваемой книге не ограничиваются отмеченными случаями. Ими полны и другие заключения Б.И. Вайнберг, когда она апеллирует к древним письменным источникам, пытается этимологизировать древние этно- и топонимы и т.п. Но по этому поводу надо писать отдельную рецензию. Вместе с тем, еще раз отмечу, что представленные в книге конкретные материалы, являющиеся непосредственным результатом многолетних работ автора как археолога и этнографа и составляющие основное содержание книги, несомненно представляют большую ценность. Несомненно интересны и конкретные выводы Б.И. Вайнберг, основанные на ее личных наблюдениях, например, по уточнению маршрута походов Дария и Кира на массагетов (с. 223, 224), по определению местоположения знаменитого водопада на Оксе (с. 226, 227) и др.

И.В. Пьянков

⁵² Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 74; Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 225.

⁵³ Более полное изложение моих взглядов на эту тему см. Пьянков И.В. Предшественники гуннов. К проблеме центральноазиатского эпицентра евразийских кочевых волн // 100 лет гуннской археологии. Международная конф. Тез. докл. Ч. I. Улан-Удэ, 1996. С. 136, 137; *он же*. Некоторые вопросы ... С. 35, 36.

⁵⁴ См., например: Пьянков. «Саки» ... С. 13–19.